

Научная статья
УДК 392:008(510)
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-2-12-61-72
EDN: YIMZGD

**Сюжет о поедании женьшеня и вознесении Бессмертного
в «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь», 1943 г.)**

Анна Анатольевна Забияко^{1✉}, Е Янян²

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и МХК ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», г. Благовещенск

²Аспирант кафедры литературы и МХК ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», г. Благовещенск

¹sciencia@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²yanyan.ye@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2619-1506>

Аннотация. В статье исследуются сюжет народной сказки о поедании женьшеня и вознесении к Бессмертному, возникший в начале XVII в., собранный и опубликованный в северо-восточном журнале «Цилинь» (Маньчжу-Диго) в 1943 г., и его рецепция в современной китайской культуре и науке. Фитолатрия как неотъемлемая черта религиозного сознания северо-восточного населения Китая неотделима от целительных характеристик самого женьшеня. С древности люди наделяют женьшень чудодейственными качествами, среди которых – обретение бессмертия в результате поедания корня. Фитолатрия связана с анимизмом и антропоморфизмом – в сказках, преданиях и легендах Северо-восточного Китая чудо-корешок обретает человеческий облик, превращаясь в антропоморфного духа (младенца, мальчика в набрюшнике, Мудрого Старца или Прекрасной Девы), дарующего бессмертие достойному. Только особенный человек, чтящий Закон тайги, удостоивается подобной благодати. Данная публикация восполняет лакуны в фольклористике Северо-востока Китая, в 40-е годы прошлого века развивающейся вопреки японской оккупации, а иногда зачастую под протекцией прояпонских изданий. Авторы приходят к выводу, что анализу «экспедиционной сказки» 1943 г. позволяет проследить непрерываемую связь развития фольклорного образа женьшеня в китайской культуре с древности до

© Забияко А. А., Е Янян, 2022

*Сюжет о поедании женьшеня и вознесении Бессмертного
в «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь», 1943 г.)*

61

почти сегодняшних дней, отражающую синкретизированные религиозные представления жителей многонационального Северо-востока, а данный текст и его публикация отражают неизвестные и противоречивые страницы собственно китайской фольклористики, до сегодняшнего дня до конца не изученные. В целом же данные материалы в совокупности с русскими научными, фольклорными и художественными текстами создают общий текст дальневосточной художественной этнографии.

Ключевые слова: образ женьшеня; Закон Тайги; фитолатрия; анимизм; антропоморфизм; няньхуа; мальчик с набрюшником; восхождение на небо; обретение бессмертия

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)»

Для цитирования: Забияко А. А., Е Янян Сюжет о поедании женьшеня и вознесении Бессмертного в «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь», 1943 г.) // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 61-72. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-61-72>. <https://elibrary.ru/yimzgd>.

PHILOLOGY

Original article

The story of eating ginseng and the ascension of the Immortal in the “Folk Tale of Ginseng” (Qilin magazine, 1943)

Anna A. Zabayako ^{1✉}, E Yanian²

¹Doctor of philology, professor, head of the Department of literature and history of world arts at Amur State University, Blagoveshchensk

²Post-graduate student, the Department of literature and history of world arts at Amur State University, Blagoveshchensk

¹sciencia@yandex.ru [✉], <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

²yanyan.ye@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2619-1506>

Abstract. This article studies the folk tale of ginseng eating and ascension to the Immortal, which originated in the early 17th century and published in the Northeastern Qilin (Manchu-Digo) magazine in 1943, and its reception in modern Chinese culture and science. Phytolatriy as an inherent feature of the north-eastern Chinese religious consciousness is inseparable from the healing characteristics of ginseng itself. Since ancient times, people have attributed miraculous qualities to ginseng, among them gaining immortality by eating the root. Phytolatriy is associated with animism and anthropomorphism – in fairy tales, myths and legends of Northeast China, the miracle root takes on human

form, turning into an anthropomorphic spirit (a baby, a boy in a girdle, a Wise Old Man or a Beautiful Virgin) that gives immortality to the worthy. Only a special person, who honors the Taiga Law, is honored with this kind of grace. This publication fills the lacunae in the folklore studies of northeast China, which in the 1940s was developing in spite of the Japanese occupation, and often under the patronage of pro-Japanese publications. The authors conclude that the 1943 analysis of the “expeditionary tale” allows to trace the continuous development of the ginseng folklore image in Chinese culture from ancient times to almost the present day, reflecting the syncretized religious views of the multinational North-East residents, while this text and its publication reflect the unknown and controversial pages of Chinese folklore proper, not yet fully explored to this day. On the whole, these materials together with Russian scientific, folklore, and literary texts create an overall context of Far Eastern literary ethnography.

Key words: image of ginseng; Taiga Law; phytolatry; animism; anthropomorphism; nyanhua; boy in a girdle; ascent to heaven; acquiring immortality

The research is supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00318 “Images of Russia and China in artistic ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s – 1940s. XX century)”

For citation: Zabiyaکو A. A., E. Yanyan The story of eating ginseng and the ascension of the Immortal in the “Folk Tale of Ginseng” (Qilin magazine, 1943). *World of Russian-speaking countries*. 2022; 2(12):61-72. (In Russ). <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-61-72>. <https://elibrary.ru/yimzgd>.

Женьшень на северо-востоке Китая – растение абсолютно уникальное, наделяемое чудотворными свойствами, вокруг которых сформировалась особая мифологическая система представлений. Подобное обожествление корня жизни – проявление фитолатрии (Фитолатрия (культ растений) – почитание растений, имеющих хозяйственное значение для человека. В различных культурах встречается множество священных растений: лотос, бам-

бук, рис, кокос, маис и т. п. Причинение вреда таким растениям часто расценивались как святотатство и приравнивалось к убийству человека. В религиозной ментальности дальневосточного фронта священным растением предстаёт женьшень), одной из форм религиозного синкретизма жителей дальневосточного фронта [Конталева, 2017; Забияко, 2015]. Самыми непосредственными носителями знания об онтологии женьшеня яв-

Сюжет о поедании женьшеня и вознесении Бессмертного в «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь», 1943 г.)

ляются таежные жители. В первой половине XX века они могли быть любой национальности – маньчжурами, китайцами, корейцами, монголами, русскими. Объединяющим и регламентирующим их жизнь установлением служил свято чтимый всеми таежниками Закон Тайги [Забияко, 2016]. Женьшень является хорошо известным ценным лекарственным материалом и признан королем трав в мире [孙文采, 王嫣娟, 1994, с. 1].

Особое место среди таёжников занимают искатели женьшеня (тоже вне их этнической принадлежности). Наряду с тигром, священными местами (особыми локусами проявления *священного*) женьшень относится ими к разряду священных объектов «Шу-Хая» – «Лесного моря». Если тигр является зооморфным воплощением Горного и Лесного Духа, то женьшень – его растительная эманация [Забияко, 2016]. Ему посвящены молитвы, сопровождаемые определенными ритуалами. Н. А. Байков, много времени уделивший исследованию таежной мифологии, обращенной к женьшеню, приводил следующие сведения: «По понятиям китайцев, только чистый, непорочный человек может найти “корень жизни”. Для человека порочного и безнравственного это недоступно, так как от такого человека растение исчезает, и корень глубоко уходит в землю, горы начинают колебаться и лес стонать, из зарослей выходит грозный владыка тайги, хранитель

женьшеня – тигр, – и разрывает не-удачливого искателя. Найдя дорогое растение, искатель бросает в сторону палку, закрыв глаза рукою, падает ниц на землю и произносит молитву для умиловления божества. Молитва эта приблизительно гласит: Великий дух, не уходи! Я пришёл сюда один с чистым сердцем и душой, освободившийся от грехов и злых помышлений. Не уходи! После этой молитвы искатель решается взглянуть на открытое им растение» [Байков, 1934, с. 27].

Образы женьшеня, описание сопровождающих его культов, образы собирателей этого чудодейственного корня и охотников на женьшеньщиков, сюжетные коллизии, связанные с их взаимоотношениями занимают знаковое положение в семиозисе научной и художественной этнографии русской дальневосточной литературы и русского беженства в Китае [Забияко, 2016, с. 21–57]. Долгое время в исследовании художественной рефлексии образа женьшеня мы опирались исключительно на русские источники, оставленные учеными-натуралистами (Н. А. Байков), этнографами (В. К. Арсеньев, П. В. Шкуркин) и писателями (М. Щербаков, Б. Юльский и др.). Парадокс заключался в том, что традиционную мифологию и фольклор жителей северо-восточных земель собирали и исследовали русские эмигранты – по большому счету, чужаки на этих землях. Опираясь не только на полевые иссле-

дования, но и на переводы европейских трудов по Китаеведению и китайской медицине, они создавали в определенном смысле адаптированный с точки зрения российской художественной традиции тексты.

Китайская традиционная медицина весьма активно исследовала женьшень, его целебные свойства – этому посвящено множество трактатов и научных исследований. Например, в самой ранней из существующих монографий традиционной китайской медицины «Травник Шэнь-нуна» («神农本草经») («Травник Шэнь-нуна» – самый ранний из сохранившихся трактатов по фармакологии в Китае. «Травник Шэнь-нуна» был написан во времена династии Восточная Хань (25–220 гг. н. э.). Это был комpendиум, создаваемый на основе хроникального способа многими учеными-медиками династий Цинь и Хань, которые суммировали, собирали и разбирались в результатах фармакологического опыта того времени. Это было первое систематическое изложение китайской фитотерапии) написано: «Женьшень сладкий, питает пять внутренних органов, успокаивает дух, успокаивает душу, улучшает зрение и улучшает интеллект. Гарантирует долгую службу, продлевает жизнь. Одно название, «Рен Сянь» (人衔), другое название «Гуй Гай» (鬼盖), растет в долине» (人参,味甘微寒,主补五脏,安精神,定魂魄,止惊悸,除邪气,明目,开心,益智。久服,轻身延

年。一名人衔,一名鬼盖。生山谷。) [顾观光, 2007, с. 21]. и в «Компендиуме лекарственных веществ» («本草纲目») («Компендиум лекарственных веществ» был опубликован в 1593 году. Это всемирно известный шедевр фармакологии и медицинский шедевр, систематически обобщающий многолетний опыт китайских трудящихся в борьбе с болезнями. Поскольку Ли Шичжэнь долгое время жил среди людей, за десятилетия медицинской практики он лично много раз ездил в горы за лекарствами и консультировался с крестьянами, охотниками, рыбаками, лесорубами, лекарями и монахами) известного фармацевта Ли Шичжэня (李时珍): «Женьшень долго растет, после того, как вырастет похож на человека, поэтому его называют женьшенем, волшебной травой» (人漫年深,浸渐长成者,根如人形,有神,故谓之人漫,神草。) [李时珍, 2004, с. 563].

К сожалению, к изучению образа женьшеня с точки зрения его религиозно-мифологической природы и исследованию его как источника фольклорной образности китайская наука практически не обращалась. В целом этот пробел во многом объясняется социально-политическими трансформациями в Китае конца XIX – двух третей XX в., и на Северо-востоке, в частности, горькой памятью о японском владычестве с 1931 по 1945 гг., стремлением Нового Китая начать

строительство нового государства и его институтов – с нового листа национальной независимости и с собственной культурной программой, определяемой атеистическим наследием марксизма. Все эти факторы определили проблемы становления китайской северо-восточной этнографии и фольклористики – и отсутствие материалов по устному народному творчеству данного региона. По идеологическим и вполне понятным националистическим настроениям не возникло преемственности между мощным этнографическим багажом, накопленным русскими эмигрантами-ориенталистами, японскими этнографами и теми китайскими гуманитариями, что пришли в китайские научные центры уже после образования КНР. А в годы «культурной революции» практически все имеющиеся архивные материалы были уничтожены либо утрачены – как «буржуазное» наследие «колониального прошлого». После этого самая ранняя книга о женьшене, которую начала выпускать провинция Цилинь, вышла в 1962 году – «Сказки женьшеня Фусун».

Современные архивные разыскания в китайских периодических изданиях Северо-востока – тогдашней Северной Маньчжурии – позволяют приоткрыть завесу над неизведанным пространством развития китайской культуры этого региона в суровые годы японского владычества. То, что до недавнего времени рассматривалось исключи-

тельно как результат деятельности «марионеточных» коллаборационистских сил – сегодня обретает совершенно иное значение.

Журнал «Цилинь» («麒麟») начал свою деятельность 1 июня 1941 г. и был закрыт после капитуляции Японии в августе 1945 г. Его программной установкой было стать популярным журналом, который выступал бы с целью «утешения народа» и «поддержки национальных чувств» населения. Тем не менее, дух журнала популярной литературы был в этом издании определяющим. Более половины пространства в журнале было отдано современной беллетристике – романам о любви, «истинно тайным историям», детективным, историческим и юмористическим сюжетам, а также публикациям о боевых искусствах и т. д. Ввиду отсутствия в то время изданий популярной литературы на Северо-Востоке журнал «Цилинь» по праву считается основным источником популярной литературы тех лет [刘晓丽, 2005, с. 85]. Ежемесячник литературы и искусства, который в основном публиковал произведения популярной литературы и работы по искусству, в настоящее время признан внесшим огромный вклад в дело сохранения национальной культуры [周葱秀, 涂明, 1999, с. 499].

«Народная сказка о женьшене» в журнале «Цилинь» вышла за подписью Е Фэн (野风; «Дикий ветер»)

[中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 2016, с. 388] – очевидно, под псевдонимом. В статье Лю Сяоли «Исследование литературных журналов Северо-Восточного Китая с 1939 по 1945 год» эта народная сказка классифицируется как экспедиционная (то есть собранная в результате полевых исследований – основная практика изучения фольклора в современной науке). К сожалению, не указано никаких подробностей и хронологии ее собирания. Однако мы можем понять из текста, что в нем соединились материалы местной истории, культуры, старые легенды, анекдоты и мифологические представления [刘晓丽, 2005, с. 103].

Истории о женьшене такого типа впервые появились в XVII в. В записках «Эссе династии Мин» («У Цзацзу», «五杂俎») Се Чжаочжэ (谢肇浙) династии Мин говорится: «Тысячелетний женьшень, напоминающий человеческую фигуру, часто ходит посреди ночи. Если его приготовить и съесть, его бессмертие исчезнет. Согласно легенде, в горах жили даосская монашка и ее ученик. Однажды, когда ученик черпал воду у колодца, он увидел младенца и забрал его с собой, но потом, когда он вернулся, младенец стал корнем. Даосская монашка была очень довольна и начала готовить его, но он еще не был приготовлен до конца, потому что на горе не было пряностей, поэтому она спусти-

лась с горы. Набрав пряности и травы, она не могла вернуться, потому что вода преградила ей путь. Ученик почувствовал голод и съел все, когда почувствовал аромат полуготового корня. Когда священница вернулась, ученик превратился в бога и улетел на небо» (千年人参, 根作人形, 中夜常出游, 烹而食之则仙去. 相传, 有女道士师弟二人居深山中. 一日, 其徒汲水于井畔, 见一婴儿, 抱归, 成一树根. 师大喜, 烹之未熟, 以粮尽下山, 为水阻, 不得远. 徒饥闻甑中气香美食之. 此师归, 已飞升天矣).

В «Народной сказке о женьшене» (журнал «Цилинь») главными героями являются старый монах и его ученик – А Лиан (阿莲). «Недавно здесь появился один пухленький ребенок, голый, в красном набрюшнике, и целый день играл с А Лианом» (近些日子, 来了一个胖小孩, 光着身子, 穿了一个红肚兜, 成天跟阿莲玩) [野风, 1943, с. 133]. Дудо (肚兜) – набрюшник имеет очень давнюю историю в Китае. Его функции направлены на сохранение здоровья (в основном, женщин и детей). В детском варианте – это, в первую очередь, сохранение энергии *ци*, содержащейся в желудке. Потому набрюшник обычно имеет несколько карманов – для мускуса, имбиря, других снадобий. После того, как женщина забеременеет, мать и семья ее мужа шьют набрюшник для рождения

ребенка. Это благословение и поздравление к новой жизни. Набрюшник дудо (肚兜) в основном красного цвета, поскольку в китайской культуре красный цвет является символом достоинства и силы, а также изгоняет злых духов [周丹, 2011, с. 19].

Остановимся подробнее на сюжете: А Лиану сильно досталось от старого монаха за то, что не выполнил данных ему заданий по хозяйству – потому что был сильно увлечен игрой с маленьким мальчиком. Рассердившийся монах избил своего ученика до ссадин и боли во всем теле. Поначалу монах даже и не поверил словам своего ученика. Ведь глубоко в горах, кроме старого монаха и А Лиана, не было других семей, и старому монаху появление почти голого толстяка показалось странным и удивительным. Для того, чтобы узнать правду, понять, откуда появился чудесный мальчик и как найти его местонахождение, монах придумал хитрый способ. Он дал ученику иголку с ниткой и попросил А Лиана: *«Когда вы снова начнете играть, тайком воткни эту иголку в набрюшник толстяка, он уйдет с ниткой, и нитка будет следовать за ним»* (在你们分手的时候, 求你把这一根针偷着扎到他的肚兜上, 他带着线走, 你尽管松开线车就行了) [野风, 1943, с. 135]. Так монах смог проследить путь мальчика, но, когда они дошел до конца нитки – был крайне удивлен: *«Старый монах моргнул своими*

старыми глазами, посмотрел внимательно и увидел, что нить обернута вокруг растения, с пальмовидными ветвями и листьями, маленькими белыми цветами, а листья на земле не знают, сколько под ними слоев. Очевидно, это сколько лет старому женьшеню» (老和尚眨一眨老眼, 仔细一看, 只见这线正缠着一棵植物, 伸着巴掌似的枝叶, 开着白色的小花, 贴着地面上的叶子也不知道是多少层, 分明是一株多少年的老人参) [野风, 1943, с. 136].

По следам иголки с ниткой старый монах и А Лиан нашли маленького толстяка с красным набрюшником, но теперь это был уже не маленький мальчик, а старый женьшень, который, увидев А Лиана, снова приобрел антропоморфный облик.

Женьшень наделен душой, наделен способностью действовать и говорить, и прикоснувшись к нему, раны маленького монаха смогли залечиться – такова магия женьшеня и его превосходные целебные способности: *«Толстый мальчишка быстро подбежал, улыбаясь и нежно помогая своими белыми и нежными руками. Каким-то образом его телу <ученика> сразу стало легко и комфортно, и вся боль исчезла. Они встали с земли, отряхнулись, взяли за руки, и поднялись вместе на гору»* (胖孩子很快的跑了前来, 笑嘻嘻的用那白嫩的两手轻轻一扶, 不止怎地, 身上立刻轻快, 舒服, 一些疼痛都丢

了。起来拍拍屁股，牵着手两个人一同又跳蹦地走上山头) [野风, 1943, с. 133].

Женьшень не только обладает целебной силой, но и может помочь добиться сверхъестественных результатов и стать бессмертным, о чем мечтают все. Но результат всегда один. Те, кто одержим этим стремлением, часто не может съесть женьшень, или даже выпить воду после, в которой варился женьшень. Старый монах и А Лиан выкопали женьшень, а затем положили его в кастрюлю, чтобы приготовить. В это время старый монах ушел по делам, а А Лиан не смог удержаться, слопал женьшень и налил воду в кастрюлю. На следующий день, когда старый монах вернулся, молодой монах уже вознесся на небо вместе с домом. «А Лиан, А Лиан, ты съел сокровище, ты стал богом!» (阿莲, 阿莲, 你吃了宝贝应神了!) [野风, 1943, с. 137]. Маленький монах, не имеющий и мысли съесть чудодейственный корешок, случайно съедает его и становится бессмертным. Все эти метаморфозы вызваны бесхитростностью и непорочностью мальчика, и духовными свойствами женьшеня, которые воспроизводятся из большинства легенд о женьшене. Суть сюжета о женьшене такова: в Шу-Хае действует Закон Тайги, женьшень – один из священных образов, эманация Духа Леса, и только добрые (бесхитростные)

люди могут получить благословение этого Властителя.

Те, кто съедает это растение, возносятся на небеса и становятся бессмертными. Это отражено и в современных легендах, например, в легенде о храме Сюанькун (悬空寺) – Висячем храме [山川文社]. Сюжет сказки очень похож на легенду династии Мин, но сказка о женьшене, опубликованная в журнале, богаче подробностями и описаниями – возможно, полученными в результате литературной обработки.

Видно, что с течением времени сюжетная линия в целом не изменилась, но детали стали несколько иными. В 1943 году сюжетная линия стала более развернутой. Образ женьшеня также изменился – от младенца к маленькому мальчику в красном набрюшнике. Образ маленького мальчика в красном набрюшнике является классическим изображением мальчика в искусстве новогодних картин (няньхуа) [王树村, 2002, с. 171]. Фольклорный сюжет, отраженный в рассматриваемой сказке, воссоздан в новогодней картине Лю Пэйхэна (刘佩珩) «Чудесные редкости Чанбайшаня» («长白珍奇») (1992 г.).

Основной образ картины – толстый мальчик в красном набрюшнике. Маленький пухлый мальчик несет чудодейственные продукты Цзилия – женьшень и линчжи (трутовик, ганодерма – гриб бессмертия), с легендарной горы Чан-

байшань стекает чистейшими потоками водопад. В густом лесу мальчика окружают пары (好事成双 – согласно китайской идиоме, «хорошие вещи идут парами») красноглазых (японских) журавлей, пятнистых оленей, леопардов, амурских тигров, уток-мандаринок и маньчжурский цокор, обитающие в северо-восточном регионе и занесенные в настоящее время в Красную книгу [姜彦艳, 2021, с. 24]. Единичность редчайшего представителя семейства грызунов объясняется тем, его роль в симбиотической природной цепочке неоднозначна – цокоры сильно вредят сельскому хозяйству, прорывая подземные норы. Очевидно, что символическое наполнение новогоднего ребуса (а именно так понимается смысловое содержание няньхуа) должно было принести его обладателю необыкновенное здоровье и удачу, даруемые всеми чудесами северо-восточной живительной природы. Сама же история появления данного образца няньхуа была приурочена к возрождению этого традиционного жанра народной живописи, ранее процветавшего в городке Туньюй (уезд в городе Байсангур провинции Цилинь). В тот год няньхуа «Чуангуаньдун» стала единственной картиной на Северо-востоке, удостоенной чести дать своему городку звание «Городок современной китайской народной живописи».

Итак, благодаря разысканию и анализу «экспедиционной сказки» 1943 г. мы можем проследить непрерываемую связь развития фольклорного образа женьшеня в китайской культуре с древности до почти сегодняшних дней, в свою очередь, отражающую синкретизированные религиозные представления жителей многонационального Северо-востока. Бессмертными (высшее стремление в даосизме) в данной сюжетике становятся те, кто и не помышляет об этом – они просто по чудесному наитию хотят съесть ароматный корень. Данный сюжет о женьшене существенным образом корректирует и объясняет неясные места в российском исследовании священных образов, формирующих мифологические представления народов, проживающих на территории дальневосточного фронта и отраженных в литературном творчестве П. В. Шкуркина, Н. А. Байкова, М. В. Щербакова. Но что самое важное – данный текст и его публикация восполняют неизвестные и противоречивые страницы собственно китайской фольклористики, до сегодняшнего дня до конца не изученные. В целом же данные материалы в совокупности с русскими научными, фольклорными и художественными текстами создают общий текст дальневосточной художественной этнографии.

Библиографический список

1. Байков Н. А. В делях Маньчжурии. Харбин : Типо-хромолит. и изд-во «Офсет-Пресс» (Р.М. Бурсук), 1934. 158 с.
2. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта. Культура и литература русского Харбина. Новосибирск : Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 437 с.
3. Забияко А. П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации // Забияко А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левашко, А. А. Хисамутдинов. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2015. С. 3–14.
4. Конталева Е. А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей // Религиоведение. 2017. № 4. С. 62–78.
5. 抚松县文联辑 抚松人参故事选 民间故事, 抚松县文联, 1962 –页 138.
6. 顾观光 (清), 于童蒙编译, 神农本草经, 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2007 –页 44.
7. 姜彦艳 闯关东年画地域特征分析. 吉林艺术学院, 2021 –页 24.
8. 刘晓丽 1939-1945 年东北地区文学期刊研究. 华东师范大学, 2005 –页 37.
9. 李时珍 (明) 本草纲目中, 北京: 人民卫生出版社, 2004 –页 1507.
10. 山川文社 小和尚偷吃千年人参飞升成仙, 竟带着整座寺庙一块飞到了 // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677691798707976563&wfr=spider&for=pc>. (Дата обращения: 20.05.2022).
11. 孙文采, 王嫣娟 中国人参文化–北京: 新华出版社, 1994. – 页 391.
12. 王树村 中国年画史–北京: 北京工艺美术出版社, 2002. –页 296.
13. 野风人参的故事 // 麒麟, 1943(03). 132–137.
14. 周葱秀, 涂明 中国近现代文化期刊史–太原: 山西教育出版社, 1999. – 页 576.
15. 周丹 当代肚兜服饰的演变研究. 湖南师范大学, 2011–页 19.
16. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室 现代汉语词典–北京: 商务印书馆, 2016.

Reference list

1. Bajkov N. A. V debrjah Man'chzhurii. = In the wilds of Manchuria. Harbin : Tipo-hromo-lit. i izd-vo «Ofset-Press» (R. M. Bursuk), 1934. 158 s.
2. Zabijako A. A. Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira. Kul'tura i literatura russkogo Harbina. = The mentality of the Far Eastern frontier. Culture and literature of Russian Harbin. Novosibirsk : Izdatel'stvo Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2016. 437 s.
3. Zabijako A. P. Na sopkah Man'chzhurii: russkij opyt ishoda i diasporizacii = On the Manchurian highlands: The Russian experience of exodus and diasporization // Zabijako A. A. Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v uslovijah dal'nevostochnogo frontira / A. A. Zabijako, A. P. Zabijako, S. S. Levoshko, A. A. Hisamutdinov. Blagoveshhensk : Izd-vo Amurskogo gos. un-ta, 2015. S. 3–14.
4. Kontaleva E. A. Religioznyj sinkretizm v interpretacii rossijskih i zarubezhnyh issledovatelej = Religious syncretism as interpreted by Russian and foreign researchers // Religiovedenie. 2017. № 4. S. 62–78.

5. 抚松县文联辑 抚松人参故事选 民间故事, 抚松县文联, 1962 –页 138.
6. 顾观光著 (清), 于童蒙编译, 神农本草经, 哈尔滨: 哈尔滨出版社, 2007 –页 44.
7. 姜彦艳 闯关东年画地域特征分析. 吉林艺术学院, 2021–页 24.
8. 刘晓丽 1939-1945 年东北地区文学期刊研究. 华东师范大学, 2005 –页 37.
9. 李时珍著 (明) 本草纲目 中, 北京: 人民卫生出版社, 2004 –页 1507.
10. 山川文社 小和尚偷吃千年人参飞升成仙, 竟带着整座寺庙一块飞到 // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1677691798707976563&wfr=spider&for=pc>. (Data obrashhenija: 20.05.2022).
11. 孙文采, 王嫣娟 中国人参文化–北京: 新华出版社, 1994. – 页 391.
12. 王树村 中国年画史–北京: 北京工艺美术出版社, 2002. – 页 296.
13. 野风人参的故事 // 麒麟, 1943(03). 132–137.
14. 周葱秀, 涂明 中国近现代文化期刊史–太原: 山西教育出版社, 1999. – 页 576.
15. 周丹 当代肚兜服饰的演变研究. 湖南师范大学, 2011–页 19.
16. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室 现代汉语词典–北京: 商务印书馆, 2016.

Статья поступила в редакцию 04.03.2022; одобрена после рецензирования 01.05.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted on 04.03.2022; approved after reviewing 01.05.2022; accepted for publication on 05.05.2022